

Глава 6. Встреча на узкой тропе

— Что за шум и гам? Ведёте себя неподобающим образом!

Грозный окрик, подобно раскату грома, обрушился с небес.

Тысячи учеников, ощутив душевное содрогание, мгновенно умолкли.

Подняв головы, они увидели дюжину белых лучей, что пронеслись над ними, приближаясь, словно падающие звёзды, и приземлились на высоком помосте в центре площади.

Все, кланяясь, смотрели на них с завистью.

Прибывшие были одеты в чёрные длинные одеяния и высокие белые головные уборы. Один из них громко объявил:

— Приветствуйте старейшину Зала Порядка! —

Старейшина Лю, только что отчитавший толпу, первым занял своё место. Дюжина его учеников почтительно стояла позади. Их движения были слаженными и выверенными, словно у марионеток.

— Приветствуйте старейшину Зала Правосудия! —

Толпа снова зашевелилась. Ученики внешней школы вновь поклонились, расступаясь.

Группа заклинателей в тёмно-синих одеждах с алыми нарукавными повязками вышла вперёд.

Возглавлявший их старейшина Ли, заложив руки за спину, взошёл на помост. Семь или восемь его учеников с длинными мечами у пояса выглядели так же сурово и строго, как и он сам.

Лишь после того, как обе группы заняли свои места, поспешно прибыли дьяконы, окружив Чжао Юйпина и проводив его к сиденью. Их группа в коричневых одеждах выглядела немного растрёпанной, а на лицах читалась усталость.

Чжао Юйпин упустил центральное место, и в душе он тысячу раз проклял Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ.

— Дьякон Чжао, верно, очень занятой человек, — с едкой усмешкой заметил старейшина Ли из Зала Правосудия.

Чжао Юйпин, изучив его выражение лица, мягко прощупал почву:

— Вы не знаете, уважаемые старейшины. Прошлой ночью двое учеников внешней школы не вернулись в свои комнаты. Мы их искали, вот и задержались.

Старейшина Ли нахмурился. Во внешней школе тысячи учеников, и каждый год кто-то пропадает, погибает или сбегает. С каких это пор Чжао Юйпин стал так об этом беспокоиться?

— Отбор уже назначен, — холодно произнёс старейшина Лю из Зала Порядка. — Отсутствующие считаются выбывшими. Опоздавших не ждём.

— Но эти двое — одни из лучших, самые выдающиеся таланты внешней школы, — улыбнулся Чжао Юйпин. — Сегодня у них был большой шанс попасть во внутреннюю школу.

Дьякон Ли, стоявший за его спиной, тут же поддакнул:

— Дьякон Чжао, как глава Зала Дьяконов, всегда действует беспристрастно, ценит и бережёт таланты. Он не может допустить, чтобы они упустили такой шанс...

Старейшина Ли не мог больше этого слушать. Он хотел было съязвить, но вовремя сдержался и спросил:

— О каких двух учениках идёт речь?

Если что-то выглядит странно, значит, тут нечисто. Посмотрим, что задумал этот Чжао.

— Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ. Вы их знаете? — сказал Чжао Юйпин.

«Никогда не слышали!»

«Внешняя школа — твоя вотчина, откуда нам их знать, чёрт возьми!» — мысленно выругались оба старейшины.

Однако на их лицах отразилось понимание.

— Ах, так это они!

— Да, это действительно два хороших ростка!

Чжао Юйпин был не в духе, и каждый казался ему заговорщиком.

Он резко встал и громко обратился к толпе:

— Уважаемые! Дьякон, дежуривший прошлой ночью в общежитии внешней школы, только что доложил мне, что Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ вчера поздно ночью ушли и до сих пор не вернулись. Хотя школу защищает великая формация, она защищает от внешних врагов, а не от диких зверей в горах. Я считаю, что если бы они не попали в беду, они бы ни за что не опоздали на отбор.

Он сделал паузу, подняв руку и призывая к тишине взорвавшуюся шумом толпу, а затем продолжил ещё громче:

— Не волнуйтесь! Человеческая жизнь — превыше всего. Зала Дьяконов не останется в стороне. Мы организуем отбор только тогда, когда убедимся, что с ними всё в порядке. Что вы думаете?

Эти слова были как холодная вода, вылитая на раскалённое масло. Площадь взорвалась ещё большим шумом.

Старейшины на помосте ошеломлённо переглянулись. Что за безумие охватило этого Чжао? Изображать из себя заботливого наставника сейчас уже слишком поздно.

Неужели тот самый Чжао Цзихэн — не его родственник, а просто прикрытие, а эти двое — его настоящие племянники? И раз они пропали, он сходит с ума от беспокойства?

Чжао Юйпин, видя произведённый эффект, остался доволен. Не ожидали? Лучшая защита — это нападение.

— Зал Дьяконов и Зал Порядка всегда славились своей мудростью. Уверен, вы двое не будете возражать.

Оба старейшины промолчали. Какими бы ни были мотивы Чжао Юйпина, внешне его поступок выглядел благородно.

Даже если честность, справедливость и открытость во внешней школе — лишь показуха, эту показуху нужно было поддерживать, чтобы большинство верило и подчинялось правилам.

Толпа учеников внизу была взбудоражена, кто-то уже кричал:

— Старший брат Мэн никогда не общался с Сун Ло! Как они могли пропасть вместе? Это наверняка Сун Ло ему навредил! Он боялся, что сегодня проиграет старшему брату Мэн, вот и прибег к таким грязным методам!

— Не паникуйте! Мы тоже поможем в поисках! Старший брат Мэн — счастливчик, он обязательно выберется из беды!

Оба пропали, но отношение к ним было полярным. Вскоре Сун Цяньцзи уже был признан виновным, не хватало только суда на месте.

Чжао Юйпин облегчённо вздохнул.

С такой подготовкой, кто бы ни попытался обвинить его, достаточно будет заявить о клевете и фальшивых доказательствах, и он легко выйдет сухим из воды. А что до поисков... его люди найдут их первыми и сделают то, что нужно.

Он глубоко вдохнул:

— Тогда, по моему распоряжению, сегодня временно...

— Я нашёл их! — раздался громкий крик с края площади.

Голос был до боли знакомым, но от волнения он звучал необычайно громко и гулко, эхом отражаясь от гор:

— Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ здесь!

У Чжао Юйпина потемнело в глазах, дыхание перехватило, и он едва не потерял сознание.

Кричавший был одет в парчовые одежды, на голове его красовался нефритовый венец, весь его вид говорил о богатстве.

Это был Чжао Цзихэн.

***

Прошлой ночью Чжао Цзихэн не напивался.

Он снял всю Башню Весеннего Ветра у подножия горы Хуавэй и пригласил своих друзей из внешней школы пить вино и слушать музыку.

Богатому юноше никогда не было недостатка в компании сверстников.

Цветы, крепкое вино, объятия красавиц, золотые, нефритовые и стеклянные кубки.

По сравнению с его щедростью, его заносчивый характер казался мелочью.

Все напились до беспамятства, лишь он, вопреки обыкновению, пил умеренно, и взгляд его оставался ясным.

Ещё до рассвета вошла красивая служанка, чтобы прислуживать ему.

Омовение, благовония, переодевание, меч, причёска, венец.

Чжао Цзихэн провёл рукой по гладкой щеке красавицы и вздохнул:

— Всё-таки здесь уютно. Как дома.

— Не забывайте меня, господин бессмертный, — хихикнула красавица и кокетливо потянулась к нему, но он легко увернулся.

— Хватит шалостей, у меня сегодня дела.

Общежитие внешней школы было убогим, он считал его свинарником и редко там ночевал. Днём, закончив занятия, он в компании друзей спешил спуститься с горы и каждую ночь проводил в квартале красных фонарей.

Ничего, эта жизнь скоро закончится. Дядя всё устроил. После сегодняшнего дня он попадёт во внутреннюю школу.

Туда, в небесный дворец, изучать высшее Дао, стать выше других.

Сегодня — его великий день.

Чжао Цзихэн надел своё самое роскошное одеяние и взял самый дорогой артефакт.

Посмотрев в зеркало, он слегка приподнял подбородок, чувствуя себя на вершине мира.

— Пошли! — крикнул он.

Двери комнат наверху распахнулись, и ученики внешней школы, ночевавшие здесь, высыпали наружу. На ходу поправляя одежду, они последовали за Чжао Цзихэном вниз.

На мгновение лестница закрипела, а пол задрожал.

Лесть подхалимов, уговоры красавиц, прощальные песни под звуки пип — вся Башня Весеннего Ветра мгновенно проснулась и ещё до рассвета превратилась в гудящий улей.

Чжао Цзихэн в окружении толпы вышел за порог.

Не успел он сделать и шага, как навстречу ему, вздымая пыль, бросился человек с криком:

— Подождите!

Человек был одет в форму дьякона Школы Хуавэй, лицо его выражало крайнюю обеспоеченность. Чжао Цзихэн нахмурился, инстинктивно почувствовав неладное.

Среди тесных улочек города летать на мече было неудобно. Дьякон, посланный передать сообщение, бежал со всех ног, обыскав все кабаки и бордели, прежде чем нашёл его здесь. Едва переводя дух, он оттащил Чжао Цзихэна в сторону и прошептал:

— Господин... господин Чжао, вам нельзя туда! Всё изменилось! Великий дьякон велел вам найти тихое место и пока спрятаться!

***

Ночной дождь омыл горы, и этим весенним утром они зазеленели ещё ярче.

Утренний ветер был прохладен, белый туман волнами катился, словно морской прилив. Горная тропа была скользкой и извилистой.

Мэн Хэцзэ, не касаясь земли, с Сун Цяньцзи на спине, перепрыгивал с камня на камень, словно лёгкая птица, устремляясь вглубь долины.

Они уже покинули Утёс Разрушенной Горы и свернули на безлюдную тропу.

— У меня рука ранена, а не нога, — сказал Сун Цяньцзи.

— Старший брат Сун, — смущённо улыбнулся Мэн Хэцзэ, — я ещё не освоил технику лёгкого тела, которой ты меня научил. Хотел заодно потренироваться с весом.

Сун Цяньцзи, ставший мешком с песком, потерял дар речи.

В стремительном полёте лучи утреннего солнца, пробиваясь сквозь мокрые сосновые ветви, ударили ему в лицо, заставив прищуриться.

— Стой, — вдруг сказал Сун Цяньцзи, хлопнув Мэн Хэцзэ по плечу.

Мэн Хэцзэ, увлечённый Техникой лёгкого тела, не заметил ничего вокруг. Он попытался остановиться, но по инерции пролетел ещё с десяток чжанов, завернул за поворот тропы и лишь тогда смог удержаться на ногах.

— Что случилось, старший брат Сун?

«Поздно», — вздохнул про себя Сун Цяньцзи.

Чжао Цзихэн, понутив голову, поднимался в гору, его широкие рукава развевались.

Чжао Юйпин велел ему найти тихое место, и он, конечно, не мог оставаться в городе. В конце концов, он был знаменитостью в квартале красных фонарей, и где бы он ни появился, его встречали с распростёртыми объятиями.

Ему оставалось только идти в горы, причём по самым безлюдным тропам.

Ветер шумел в лесу, щебетали птицы. За ним следовали семь или восемь учеников внешней школы, его верных псов, наперебой изрыгавших проклятия:

— Этот Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ просто испугались, что не смогут сравниться со старшим братом Чжао, вот и спрятались, чтобы не позориться.

— Почему из-за того, что они спрятались, отбор должны откладывать? Тут и соревноваться нечего, место во внутренней школе должно принадлежать старшему брату Чжао!

— Заткнитесь! — Чжао Цзихэн знал, почему дядя велел ему спрятаться, но не мог сказать. Его лицо побледнело, и он процедил сквозь зубы: — Эти два ублюдка, если они мне попадутся...

Не успел он договорить, как за поворотом тропы кто-то появился. Чжао Цзихэн инстинктивно поднял голову.

Они столкнулись лицом к лицу, и обе стороны замерли от удивления.

Широкая дорога была пуста, а они встретились на узкой горной тропе.

— А! — подпрыгнул Чжао Цзихэн, указывая на Мэн Хэцзэ. — Ага! Так вы всё-таки не сдохли!

— К твоему сожалению, у меня жизнь крепкая, — холодно ответил Мэн Хэцзэ.

«Вы же вместе с утёса прыгнули, что вы здесь делаете?» — подумал Чжао Цзихэн.

«Тебе же место уже обещано, что ты здесь делаешь, вместо того чтобы на площади красоваться?» — подумал Мэн Хэцзэ.

— Сун Цяньцзи, — прощупал почву Чжао Цзихэн, — ты не идёшь на отбор?

— Не иду, я ранен. Будь добр, сообщи о нашем отсутствии.

Его тон был спокоен и будничен, словно он просил одноклассника принести ему обед.

Чжао Цзихэн инстинктивно кивнул, но тут же опомнился.

— Врёшь! Когда ты успел пораниться? И с каких это пор вы двое так сдружились?

Ученики за его спиной, не желая отставать, наперебой закричали:

— Из-за вас двоих отбор отложили, вы задержали старшего брата Чжао на его пути к бессмертию! Вы за это ответите?

— Что вы хотите?! — вскричал Мэн Хэцзэ.

С тех пор как он изучил технику Сун Цяньцзи и получил в своё распоряжение первоклассный артефакт, его уверенность в себе возросла.

В гневе он выглядел так грозно, что толпа невольно отступила.

Но Сун Цяньцзи не интересовали детские разборки. Его интересовало лишь фермерство.

Он хлопнул Мэн Хэцзэ по плечу, призывая его успокоиться, и мягко сказал:

— Младший брат Чжао, видишь, я даже ходить не могу, меня несёт младший брат Мэн. Видимо, не судьба мне попасть во внутреннюю школу. В этот раз я пас.

Чжао Цзихэн уставился на него, как на привидение.

Кто такой Сун Цяньцзи? Главный трудоголик внешней школы, знаменитость!

Чжао Цзихэн знал лучше других, на какие крайности тот был готов пойти, чтобы выделиться

на этом отборе.

И чем больше он сейчас говорил, что не пойдёт, тем больше это походило на подготовку к какой-то интриге.

— Ты меня за дурака держишь? — усмехнулся Чжао Цзихэн. — Тяжело ранен, да? Двигаться не можешь? Да я тебя сегодня на носилках туда притащу!

Он резко взмахнул рукой.

— Взять их!

Семь или восемь учеников внешней школы бросились вперёд.

***

— Людей... я уже доставил!

На шумной площади, после громкого крика Чжао Цзихэна, на мгновение воцарилась тишина.

Все ученики внешней школы разом повернули головы.

Чжао Цзихэн, купаясь в лучах утреннего солнца и разноцветных взглядах, почувствовал, что совершил нечто великое, изменившее ход событий.

— Смотрите!

Четверо учеников внешней школы несли ярко-алое кресло-носилки.

Они шли с гордо поднятыми головами, уверенной походкой.

Мэн Хэцзэ с настороженным видом шёл рядом, готовый защищать.

А на мягких подушках этого кресла лежал... человек.

Сун Цяньцзи, которого несли через всю толпу, чувствовал себя как на параде позора.

Площадь замерла. Тысячи ртов раскрылись от удивления, и тысячи потрясённых взглядов пронзили его, словно стрелы.

Сун Цяньци с каменным лицом лежал в кресле. В душе у него царил мёртвая тишина.

«За что мне такие страдания после перерождения? Есть ли в этом мире справедливость?»

<http://bllate.org/book/16982/1581701>